

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Книга II

ТРИ ГОДА

Александр
Шаевич

Александр Шаевич

**Последний рейс.
Книга II. Три года.**

«Автор»

2026

Шаевич А.

Последний рейс. Книга II. Три года. / А. Шаевич — «Автор», 2026

Ари Бен-Ари думал, что дело «Ахерона» закрыто — тихо, бюрократически, без огласки. Но Рафи, куратор из тени, предлагает другую игру: не уходить, а остаться. Стать штатным консультантом GMT — компании, чей директор безопасности слишком быстро научился доверять новому специалисту. Внутри — доступ к файлам, которые не должен видеть никто посторонний. И первая же находка меняет всё: страховая афера — лишь фасад. За кипрским посредником стоит мальтийский холдинг, за холдингом — respectable филантроп с именем на табличках больниц. Сеть, которую отслеживают четыре года, наконец обретает лицо. Но у сети есть и своё лицо в ответ. Телефонный звонок, слишком вежливый и слишком точный. Мужчина на пустой вечерней улице, чья неподвижность говорит больше слов. Угроза, подготовленная заранее — раньше, чем Ари вообще понял, во что ввязался. Три года сеть строила себя так, чтобы выглядеть безупречно. У Ари и Сары есть столько же времени, сколько хватит терпения у противника, который умеет ждать.

Содержание

Глава 1. Рафи	5
Глава 2 Консультант	8
Глава 3 Врабие	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Последний рейс. Книга II. Три года.

Глава 1. Рафи

Гидеон привёл их не в квартиру в Баке, а в офисное здание в промзоне Гиват-Шауль — склады автозапчастей, мастерские кондиционеров, серый бетон, из-за которого весь квартал выглядел так, будто его строили без единой мысли о том, что кто-то однажды станет его разглядывать. На лестнице пахло машинным маслом, а ступени скрипели с той характерной неровностью, с какой скрипят лестницы в зданиях, где никто не следит за ремонтом, потому что репутация места строится не на внешнем виде.

Чем ближе они подходили к нужной двери, тем суше и официальнее становился сам Гидеон — та лёгкая, почти отеческая ирония, с которой он разговаривал с Ари в кабинете на Тальпите, испарилась без следа, будто оставалась в другом здании, для другого уровня разговора.

— Его зовут Рафи, — сказал он у двери без таблички. — Не настоящее имя. Отвечайте прямо, не преуменьшайте. Он ценит точность больше скромности.

Кабинет за дверью оказался почти нарочито простым: стол, два стула, шкаф с папками без подписей, старый электрический чайник на подоконнике, с которого давно слезла эмаль у носика. Свет шёл от одной-единственной лампы на потолке — ровный, бесцветный, того рода освещения, что не создаёт теней и не оставляет собеседнику ни одного тёмного угла, куда можно было бы отвести взгляд. Ари узнал этот свет сразу: тем же самым освещали комнаты для допросов в его прежней службе — не для того, чтобы напугать, а для того, чтобы вымотать терпеливостью.

Сам Рафи оказался сухощавым мужчиной лет шестидесяти с той спокойной неподвижностью лица, что выдаёт десятилетия тренировки скрывать реакцию. Он не стал сразу задавать вопросы — сначала долго молчал, глядя то на Ари, то на Сару, будто оценивая не то, что они скажут, а то, насколько ровно оба держат паузу перед тем, как начать. Пауза явно была инструментом, а не случайностью: Ари почувствовал, как она давит на грудную клетку сильнее, чем давило бы любое прямое требование заговорить.

— Рассказывайте по порядку, — сказал он наконец. — Не то, что вам кажется важным. Всё.

Ари начал с контейнеровоза. Рафи слушал не перебивая, но иначе, чем слушал Гидеон, — тот кивал в местах, где угадывал знакомое, Рафи же не кивал вовсе, а один раз, при упоминании записи Каца, попросил повторить дату с точностью до часа, а не до дня.

— Вы спрашиваете не то же самое, что спрашивала полиция, — заметил Ари.

— Полиция спрашивает, что произошло. Я спрашиваю, что из рассказанного вы помните точно, а что достроили памятью задним числом, — сказал Рафи. — Это разные вещи, и в моей работе разница между ними измеряется количеством живых людей к концу недели.

Он произнёс это тем же ровным голосом, каким говорил всё остальное, — не для эффекта, а как формулировку, давно проверенную на практике и оттого лишённую всякой театральности, что делало её только тяжелее. Ари подумал, что человек, способный купить новый чайник, но предпочитающий этот, облупленный, наверняка формулирует именно так — экономно, без лишней эмали.

Когда Ари закончил, Рафи ещё с полминуты молчал, глядя в стол перед собой.

— То, что вы нашли, — часть куда более крупной структуры, чем одна кипрская компания, — сказал он. — Мы отслеживаем подобные сделки четыре года. Не хватало одного — прямой связи между финансовым посредником и организатором на местах. Ваша запись даёт именно это.

— Значит, можно действовать, — сказал Ари.

— Можно действовать осторожно. Арестуй мы Тори завтра — получим одного директора безопасности и потеряем всю цепочку: Гроссу исчезнет за час, структура перестроится вокруг нового посредника прежде, чем мы оформим бумаги. Нужна не фигура. Нужна вся цепочка, до конечного получателя.

— Сколько времени это займёт? — спросила Сара.

— Недели. Может, месяцы. За которые вам обоим придётся оставаться живыми и незамеченными.

Он объяснил условия коротко, без пауз, будто произносил их не в первый раз в жизни: вернуться к обычной жизни, изображать закрытое дело, не приближаться к Гроссу напрямую, оставаться на связи через защищённый канал. Установят наблюдение за домами и за Кацем — не гарантию, но затруднение для прямого воздействия.

— Когда всё закончится, — сказал Ари, — я хочу знать, почему меня выбрали для этого дела не случайно.

Рафи взвешивал ответ дольше, чем требовалось для простого «да» или «нет».

— Если это окажется частью общей картины — узнаете. Больше обещать не могу.

Он протянул простой телефон без опознавательных знаков.

— Только для связи со мной. И, Ари, Сара — проживите следующие недели как можно скучнее. Скучная жизнь сейчас — лучшая защита, какую вы можете обеспечить себе сами.

Дорога обратно в Хайфу прошла в молчании. Не потому, что не о чем было говорить, — потому что оба уже знали, что скажет другой, и произносить это вслух означало бы просто продлить усталость, а не облегчить её. Сара включила радио на середине пути и тут же выключила — обычная музыкальная станция, легкомысленный припев поверх барабанной петли, вдруг показалась почти оскорбительной, будто мир снаружи не имел права звучать так беззаботно в день, когда им только что назвали цену их собственной безопасности в неделях и месяцах.

— «Живите скучно», — сказала она наконец, глядя в окно на проносящиеся огни. — Он произнёс это так, будто речь идёт об упражнении. Как будто можно тренировать скуку так же, как тренируют бдительность.

— Можно, — сказал Ари. — Я умел это когда-то. Оказывается, разучился быстрее, чем думал.

Три недели скучной жизни оказались тяжелее, чем он представлял себе в машине. Не потому, что дни были тревожны, — потому что их пустота требовала усилия иного рода, чем усилие расследования, усилия почти незаметного самому себе, пока оно не начинает разъедать человека по краям.

Первый день дался легко, почти с облегчением, — он вернулся к утреннему кофе и обычной почте с той радостью, с какой возвращаются к простым вещам после долгого напряжения. Второй день принёс раздражение: Ари поймал себя на том, что три раза за утро проверил телефон Рафи, хотя тот молчал и не должен был звонить, — не потому что ждал сообщения, а потому что сама проверка стала тиком, попыткой убедиться, что аппарат «чист», ничем не заражён, не отслеживается.

На четвёртый день осторожность окончательно перешла в паранойю. Он простоял у окна десять минут, наблюдая за мужчиной, слишком долго задержавшимся у газетного киоска напротив дома, — обычным покупателем утренней прессы, ничем не примечательным, кроме того, что оказался в поле зрения человека, разучившегося отличать подозрение от бдительности. Мужчина наконец купил газету и ушёл, и Ари устыдился этих десяти минут сильнее, чем устыдился бы настоящей ошибки. Двадцать лет службы, подумал он, и вот до чего дошло — слежу за пенсионером, покупающим утреннюю газету. Рафи было бы что сказать по этому поводу, и ничего лестного.

На седьмой день случился срыв, которого он не планировал: он позвонил Рафи без всякого повода, просто чтобы услышать голос, подтверждающий, что канал ещё жив, — и тут же пожалел о звонке, услышав в ответ короткое, отрезающее «Не день. Час. Звоните, когда будет час, а не когда будет скучно» — и больше ничего, только щелчок разъединения.

— Он прав, — сказал Ари Саре тем вечером, всё ещё чувствуя жжение этого выговора. — Но бездействие разрушает не меньше, чем действие. Просто по-другому. Ты не замечаешь, как оно тебя стачивает, пока однажды не понимаешь, что края уже не те, что были неделю назад.

Финальный отчёт по «Ахерону» он закрыл в точности так, как предписывал Рафи, — безупречно скучная бюрократическая бумага. Тори вызвал его через два дня для подписи и прочёл с удовлетворением, которое отозвалось в Ари тревогой сильнее, чем прежняя настороженность, — Тори в тот день был чуть теплее, чем следовало быть человеку, всего лишь принимающему отчёт консультанта, будто заранее знал, что тепло — самый дешёвый инструмент захвата.

— Хорошая работа, — сказал Тори. — GMT ценит специалистов, способных работать деликатно. Я бы хотел рассмотреть вас как постоянного консультанта для будущих дел подобной сложности. «Деликатно», — повторил про себя Ари. Одно слово, а сколько трупов оно позволяет не упоминать вслух.

Ари не отказал прямо — это выглядело бы подозрительно после безупречного отчёта, — сослался на эмоциональную усталость и вышел из кабинета с тем же ощущением двойного дна в каждом слове, что и в прошлый раз, с вымышленной компанией «Аль-Фарух Трейдинг». Дверь за спиной закрылась мягко, на доводчике, без единого звука, — и всё же Ари поймал себя на мысли, что это не дверь кабинета закрывается за консультантом, а замок, невидимый, но настоящий, тихо защёлкивается где-то в стороне.

Вечером впервые за три недели зазвонил телефон Рафи.

— Три дня назад в Пирее задержали контейнеровоз, — сказал он без предисловий. — Компоненты систем наведения под видом гидравлики. Судно шло из Констанцы. Страховым посредником снова выступает GMT — кипрский филиал.

— Они не остановились.

— Такие сети строены именно для того, чтобы переживать провалы. Есть деталь лично для вас: мы полагаем, что Тори — лишь промежуточное звено, решения принимаются выше. Предложение стать консультантом, которое он сделал сегодня утром, — часть той же стратегии: удержать вас под контролем сети, а не просто под наблюдением одного человека. Соглашайтесь. Работайте на два фронта: консультант для Тори, глаза для нас.

Ари понимал вес этого решения лучше, чем хотел признавать. Сара, выслушав вечером, спросила прямо:

— Ты этого хочешь?

— Не хочу, — сказал он честно. — Три недели скучной жизни дались тяжелее первой недели расследования. Но альтернатива — оставить сеть расти, зная, что где-то уже готовится следующий контейнеровоз с очередным мёртвым экипажем.

Он говорил это не как герой, принимающий вызов, а как человек, для которого второй вариант оказался попросту непригоден для жизни, — и Сара, судя по её лицу, услышала именно эту разницу.

— Тогда звони Тори утром, — сказала она.

Глава 2 Консультант

Тори принял согласие с тем спокойным довольством, что граничило с облегчением, — план сработал в точности так, как он предполагал. Оформление заняло час: договор о конфиденциальности, формально запрещающий обсуждать дела GMT с кем бы то ни было (включая, как отметил про себя Ари, разговоры с Рафи), пропуск, доступ к системе учёта претензий.

— Ваш логин, — сказал Тори, кладя листок на стол в маленьком кабинете с отдельным входом. — Начните с этого.

Файл претензии по Пирею уже лежал открытым на экране. Груз, задержанный три дня назад, страховая сумма выше обычной. Тори не отрывал взгляда от монитора.

— Совет директоров предпочитает отчёты, не создающие лишних вопросов у регуляторов. Ваш отчёт по «Ахерону» был именно таким. Уверен, вы понимаете разницу между тщательностью и излишним усердием.

Формулировка повисла в воздухе достаточно долго, чтобы стать инструкцией, а не намёком.

Оставшись один, Ари не сразу открыл файл заново. Несколько минут он просто изучал саму систему — какие вкладки доступны, где хранится история просмотров, есть ли индикатор того, что документ открыт кем-то ещё. Работа консультанта, решил он, начиналась не с чтения документов, а с понимания того, что именно фиксирует система вокруг самого чтения.

Он открывал файлы в том порядке, что соответствовал бы настоящей сверке, — сначала общие цифры, потом детализацию, — приучая себя к ритму, в котором обычное любопытство ничем не отличалось бы от целенаправленного поиска. Только когда этот ритм стал привычным, он позволил себе задержаться на строке, которая интересовала его на самом деле: имя оформившей полис сотрудницы кипрского филиала — Элени Пападопулу, номер счёта для компенсации, и письмо за два дня до задержания, где та лично запрашивала у Тори разрешение на ускоренное оформление «в связи со срочностью». Значит, Тори знал об этой конкретной сделке заранее.

Он переписывал данные от руки — не доверяя системе, которая могла отслеживать, какие файлы он открывает, — когда дверь открылась без стука. Секретарь с кофе. Он захлопнул блокнот тем же движением, каким годами закрывал папки при появлении посторонних.

— Не помешала? — спросила она, чуть смутившись его реакцией.

— Нет, что вы. Спасибо, самое время.

Она поставила чашку и ушла, ничего не заподозрив, — но ещё минуту после её ухода Ари сидел неподвижно, слушая, как выравнивается дыхание, и думая о том, что именно такие мелочи, а не сложные ловушки, чаще всего решают судьбу подобной роли: не умение хранить большую тайну, а способность не вздрогнуть от чашки кофе. Двадцать лет учили его распознавать вооружённого человека по походке. Никто не предупреждал, что самой большой угрозой карьере станет секретарша с турецким кофе и добрым намерением.

Вечером он передал имя, номер счёта и деталь про личное разрешение Тори по защищённой линии.

— Это меняет степень его вовлечённости, — сказал Рафи. — Прежде мы предполагали простое звено. Личное разрешение — совсем другой уровень участия. Хорошее начало, Ари. Но будьте предельно осторожны с тем, как получаете информацию — Тори не глуп.

На третьей неделе Тори вызвал его без формального повода.

— Через десять дней ожидается ещё одна поставка через тот же кипрский канал — порт Лимасол. Рассказываю не для того, чтобы вы действовали, а чтобы понимали масштаб операций, с которыми работаете.

Ари узнал приём мгновенно — тот же, что сам использовал против Тори и Леви месяц назад с вымышленным «Аль-Фарух Трейдинг». Слишком доверительная деталь, слишком точная. Проверка.

И всё же, выйдя из кабинета, он поймал себя на желании, почти физическом, набрать Рафи немедленно, из машины у здания, не дожидаясь вечера, — передать деталь, пока она свежа, пока в ней ещё чувствуется вес настоящей находки. Он дошёл до машины, сел, достал телефон — и заставил себя убрать его обратно в карман.

Вечером, уже дома, он рассказал об этом порыве Рафи прежде, чем передал саму информацию.

— Мне почти захотелось позвонить вам сразу же, из машины у офиса, — сказал он. — И именно это желание убедило меня, что дело нечисто. Настоящая находка не требует немедленной передачи. Ловушка — требует.

— Вы делаете успехи, — сказал Рафи, и в его голосе впервые за месяцы прозвучало что-то похожее на одобрение, не связанное напрямую с полученной информацией. — Самая опасная ошибка в контрнаблюдении — торопиться. Ловушка рассчитана на скорость реакции, а не на её содержание. Если бы вы позвонили мне из машины у здания GMT, а я в тот же час начал бы действовать, Тори получил бы ответ на свой вопрос быстрее, чем сам его додумал до конца.

— Рад, что моя выдержка вас порадовала, — сказал Ари. — В машине она ощущалась скорее как приступ несварения.

— Значит, наблюдаем и ждём, — сказал Рафи.

— Наблюдаем пассивно, через существующие источники. Если ничего не произойдёт в Лимасоле через десять дней — вы правы, и заодно проходите проверку.

День настал и прошёл без единого захода судна, соответствующего профилю. Тори после этого стал заметно свободнее — пригласил Ари на общее совещание руководителей, куда прежде не звал.

Там, между цифрами страховых премий, финансовый директор Коэн мимоходом упомянул «нашего европейского партнёра по перестрахованию» — «Данубия Иншуранс Груп». Никто в зале не отреагировал: рутина, известная каждому, но не афишируемая.

У кофемашины после совещания разговорчивый Коэн подтвердил больше, чем следовало:

— Партнёрство даёт нам доступ к перестраховочной ёмкости, о которой мы могли только мечтать. Тори лично вёл переговоры три года назад.

Ари отметил про себя: полгода конспирации, слежка, риск разоблачения на каждом шагу — и всё это оказалось не нужно. Хватило одного финансового директора, чашки кофе и желания показаться значительным перед новым консультантом.

Три года. Задолго до «Ахерона». GMT не была случайной жертвой сети — она была её финансовым инструментом с самого начала

Глава 3 Врабие

Вечер начался обычно — настолько обычно, что впоследствии Сара будет вспоминать именно эту обыкновенность как самую тревожную деталь целого дня. Ари задерживался у GMT, обещал вернуться к восьми. Она заварила чай, разложила на кухонном столе документы по текущему карантинному делу — не «Ахерону», а рутинному случаю с грузовым паромом, застрявшим в порту из-за подозрения на норовирус, — и позволила себе то остаточное, ещё не до конца выветрившееся чувство усталости, что накапливается не за один вечер, а за месяцы жизни на грани.

Полутёмная кухня, ноутбук, открытый на середине отчёта, лёгкий пар над кружкой — всё это было настолько похоже на её прежнюю, до-«Ахероновскую» жизнь, что она на несколько минут почти поверила в передышку. Именно поэтому телефонный звонок застал её без единой унции настороженности.

Голос на другом конце оказался женским, вежливым, представившимся сотрудницей журнала о морской медицине, — интерес к её работе над карантинным протоколом «Ахерона» для материала о современных эпидемиологических практиках в портах. Сара ответила без колебаний: тема была ей близка профессионально, а формулировки звучали слишком грамотно для случайного интереса, — так, как звучат вопросы человека, действительно разбирающегося в предмете.

Первый блок вопросов не насторожил её вовсе: сроки, процедуры, стандарты Минздрава. Обычный, компетентный разговор.

Затем акцент сдвинулся — едва заметно, будто по касательной. Кто именно принимал решение о степени карантина. Была ли она лично знакома с расследователем дела до вспышки. Сара всё ещё отвечала спокойно, хотя уже отметила про себя, что вопросы ушли из области протоколов в область персональной ответственности, — из профессионального регистра в личный.

Третий блок звучал почти небрежно, будто случайное отступление в разговоре, — интерес к тому, с кем именно она консультировалась по делу, кто ещё был вовлечён, поддерживает ли она контакт с бывшими коллегами по прежней работе. Сара отвечала короче теперь, суше, — не потому что осознанно насторожилась, а потому что тело перешло в режим осторожности раньше, чем разум успел сформулировать причину.

А затем, тем же лёгким тоном, каким спрашивают о погоде, голос спросил, знакома ли ей фамилия Врабие.

Именно интонация, с которой было произнесено это имя — слишком лёгкая, слишком отработанная для случайного упоминания, — стала тем самым уколом, после которого всё встало на свои места. Не сами слова. Тон. Так спрашивает человек, заранее знающий ответ и проверяющий не факт, а реакцию.

Сара положила трубку под благовидным предлогом — сославшись на звонок в дверь, которого не было, — и несколько долгих секунд сидела неподвижно, чувствуя, как гудение холодильника в тишине кухни вдруг стало неприлично громким, будто прежде она его не замечала вовсе, а теперь каждый звук квартиры требовал отдельной проверки.

Она открыла ноутбук и нашла название журнала. Издание существовало. Сотрудницы с таким именем в нём не было.

На секунду ей захотелось допустить, что она просто плохо искала, — и лишь затем, чуть более трезво, она поняла, что ошибки здесь нет и не было с самого начала разговора.

Рафи, услышав об этом от Ари вечером, замолчал дольше обычного.

— Николае Врабие. Шестьдесят три года, основатель «Данубия Холдингс» — судоходство, портовая логистика, страхование в четырёх странах. Абсолютно легальный бизнес на поверхности. Ни разу его имя не всплывало в прямой связи ни с одной подтверждённой сделкой.

— Но, — сказал Ари, чувствуя, как за этим «но» уже слышится вся конструкция, которую предстоит услышать.

— Но структура собственности включает дочернюю компанию — миноритарного акционера того самого кипрского холдинга, что владеет «Понтос Лоджистикс».

Ари обдумывал это несколько секунд, складывая рядом два образа одного и того же человека — благотворителя, чьё имя стоит на табличках больниц, и архитектора сети, чьё имя нигде не должно всплывать вовсе, — и понимая, что оба образа принадлежат одному и тому же человеку не случайно, а по замыслу: чем респектабельнее фасад, тем надёжнее укрытие за ним.

— И партнёрство GMT с Данубией по перестрахованию, — сказал он медленно, — существует три года. Значит, GMT изначально создана или выкуплена как финансовый инструмент этой сети. Тори работает не на компанию, случайно попавшую под влияние. Он работает на неё с самого начала.

— Похоже на то, — сказал Рафи. — И это меняет всё в нашей модели. Мы искали ошибку в системе. Нашли систему, устроенную именно так, а не давшую сбой. Тори перестаёт быть виновником-одиночкой. Он функционер большой конструкции. А это значит, что против вас теперь не человек. Против вас механизм.

Ари помолчал. Против человека он знал, как воевать двадцать лет. Против механизма ещё предстояло понять, есть ли вообще кнопка, которую можно нажать.

Сара молчала дольше, чем требовал разговор, — и когда наконец заговорила, голос её звучал иначе, чем минуту назад.

— Я знаю это имя, — сказала она. — Не из дела.

Больница в Тимишоаре вспомнилась ей не как размытое общее впечатление, а внезапно, целиком, одним куском: бледно-зелёные стены коридора, слишком яркие для раннего утра лампы дневного света, стойкий, въевшийся в халаты запах антисептика, смешанный с чем-то сладковатым — растворимым кофе из автомата у ординаторской. Она, двадцатичетырёх-летняя, перегруженная, ещё не умеющая как следует защищаться от сложных моральных пространств, в которые её тогда бросала работа, каждое утро проходила мимо латунной таблички у входа в отделение: «Оборудование предоставлено фондом Николае Врабие». Название ничего для неё не значило — не имя мафиози, а просто знак чьей-то далёкой, обезличенной щедрости, одной из десятков подобных табличек, развешанных по больницам страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.